

Рассказы о подпольной работы девушек были написаны по собранным мною рассказам многих людей. По работе подполья во время оккупации города у меня издана книга «Реабилитирован по-смертно» (514 с.). Я уже 20 лет хожу по школам и рассказываю о городском подполье, о наших жителях, жертвовавших своими жизнями ради свободы последующих поколений. Как мне сказала Надежда Васильевна Попова – Герой Советского Союза, лётчица из нашего Мушкетово: «...выбор был не между войной и миром, а между свободой и рабством». Поэтому я двумя руками за Вашу работу в патриотическом направлении». Кое-что и я сделала в своём городе, собрав информацию о годах оккупации и героических поступках земляков, отразив в книгах.

Марта Носкова

Святиться имя будет ваше
На всех наречиях в веках

Среди множества «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны – история зарождения подпольного движения в городах на временно оккупированной территории и его роль в разгроме фашизма. И эти «белые пятна» смогут обрести цвет, а, значит, и смысл, если складывать их мозаику из отдельных ярких осколочков, какими и являются судьбы героинь. Отечественная война была не только большим горем для всего советского народа, но и испытанием на мужество и преданность идеям коммунизма. Огромная любовь к Отечеству и забота о последующих поколениях определяла их мысли и поступки. Для них главным было то, чтобы их дети и внуки могли жить в свободной стране и петь:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолев пространство и простор...», и осуществлять это.

Предыдущие поколения ценою своей жизни очищали им путь, устраняли помеху, каким встала на их пути фашистская Германия. Марта ничего не знала об оставленных в городе подпольных комитетах и сформированных подпольных отрядах. Её никто не приглашал в их ряды. Но появление врага в городе, его расправы над мирными жителями, поиск и уничтожение коммунистов и евреев, вызвало в ней чувство протеста. А то, как они обращались с пленными солдатами, никакими словами невозможно было высказать.

Присущее с испокон веков русскому человеку милосердие, взяло верх над страхом и инстинктом сохранения жизни. Как только привели пленных в здание швейной фабрики имени Володарского, она ежедневно приходила к лагерю. Во-первых, она проверяла, нет ли среди пленных её мужа, который ушёл на войну в первые же дни, а во-вторых, она хотела им помочь, и искала возможность это сделать.

До войны Марта с мужем Иваном, мамой Анной Демьяновной и приёмной дочерью Люсей жила на Мушкетово. Люсю родила её старшая сестра Мария. И, так как у неё не было мужа и, чтобы скрыть позор сестры, Марта взяла её себе, тем более, что у них с мужем своих детей пока ещё не было. В первые дни бомбёжек в их дом попала бомба. Их приютила на 8-й Александровке армянская семья. Они жили в летней кухне, состоящей из одной комнаты и коридора, из которого вела лестница на высокий чердак. Люся любила играть на нём, перебирая старые вещи хозяев. Но однажды мама ей запретила там играть. Люсе было любопытно: «Почему?» Она стала следить за чердаком и постепенно поняла, что там кто-то находится, потому что мама и бабушка носили какие-то свёртки. Она решила спросить:

– Бабушка, а кто у нас на чердаке живёт?

– Тебе знать это не надо.

– Но мне интересно. Можно, я полезу и посмотрю?

– Ни в коем случае! Хорошо, я тебе скажу, только ты никому об этом не должна рассказывать,

иначе нас всех расстреляют. Там – мамин двоюродный брат. Он скрывается от немцев и скоро от нас уйдет.

Этого «брата» Марта освободила из плена. Из окон пленные бросали в толпу записочки, сообщая свои данные и адреса, по которым можно найти их родственников. Во дворе всегда толпился народ, в основном женщины и подростки. Записочки ловили и громко кричали, читая написанное в них, в надежде, что отыщутся родственники из присутствующих или знакомые или чужие, согласные пойти по этому адресу. Прочитали адрес из Мушкетово, и Марта, взяв записочку, пошла по нему. В доме никого не оказалось. Соседи сказали, что мать и отец красноармейца эвакуировались, а жена с маленьким ребёнком ушла в село к своим родителям. Было очень обидно: парень дома, собственно говоря, а забрать его некому. Как же она скажет ему, что никого нет дома, ведь он уже ждёт, уверенный, что за ним придут. И по мере того, как она приближалась к городу, у неё зрело решение. А решила она сама его забрать, назвавшись сестрой. Только вот, как бы правдоподобнее сыграть, чтобы полицаи не заподозрили обман. Она решила последние метры перед фабрикой пробежать, чтобы запыхаться, ведь она бежала освобождать брата.

– Вот, записка, – совала она полицая под нос отрывок бумаги с адресом, – мой брат. Где он? Позовите! Андрей Тимохин, братик мой родной, ты где? Андрюша, брат – это я, твоя сестра Марта.

– Тимохин, выходи! – гаркнул полицай.

Из проёма двери показался худой, раненный в плечо парень. Он неуверенно подходил, но Марта решительно шагнула навстречу, протягивая руки для объятия. Парень понял жест, и обнял её, приговаривая:

– Марта, как я рад, а где же мама, жена?

– Их нет в городе. Я за тобой пришла, – и, улыбаясь, добавила, – или не пойдешь со мной?

– Пойду, пойду, – поспешил подтвердить парень, но тут вмешался полицейский:

– Принеси документы, подтверждающие ваше родство.

– Так идти далеко, аж, на Мушкетово.

– Ничего, я подожду, мне спешить некуда, да и ему тоже, – кивнул он на Тимохина.

Марта знала, что никакие документы она не принесет, а, значит, надо искать другой выход, а пока тянула время:

– Нет, я без него никуда теперь не пойду.

Они так и стояли, обнявшись, и не хотели расходиться, но полицейский настаивал на своем:

– Неси документ!

И тогда Марта сняла с пальца золотое обручальное кольцо, и протянула упёртому полицая:

– Вот, возьми документ.

– Ну, это другое дело! Теперь вижу, что брат, за чужого бы не отдала обручку. Идите.

И они пошли.

– Как же я отблагодарю тебя?

– Немцев будешь бить.

– Да это само собой, вот только бы руку вылечить.

– Вылечим.

К Александровке она повела его через навесной мост над заводом, который не контролировался немцами. В развалинах мартеновского цеха дождались темноты. Ночью, чтобы не видели хозяева, она повела Андрея на чердак.

Марта продолжала ходить к лагерю на фабрике так же, как и многие другие. За эти дни люди перезнакомились друг с другом, рассказывали, кто кого смог освободить, так как ходили с записками по адресам. Когда полицаи отворачивались, кто-нибудь из толпы бросал съестное в окна или записки. Здесь же Марта познакомилась с подругами из Рутченково – Зиной, Капой, Клавой и Шурой. Зина, узнав, что Марта замужем, а муж на фронте, попросила принести одежду мужа. Потом они вместе ходили по адресам. Очень радовались, когда находили родственников пленных. Если близкие уехали, искали дальних, расспрашивая у соседней адреса.

Пленных водили на улицу Артема убирать кирпичи и мусор от разрушения после бомбёжки. Однажды она обратила внимания на пленного в разорванной исподней рубашке. Он чем-то ей напоминал мужа. В первое мгновение даже сердце ёкнуло, но, присмотревшись, она поняла, что это не Иван. Каково было её удивление, когда на следующий день она увидела его в мужниной сорочке

и пиджаке, которые она передала Зине. И она догадалась, что девушки, каким-то образом связываются с пленными и где-то, скорее всего, вне лагеря, передают им одежду, а, может быть, и ещё что-то. Потому, что через несколько дней, она увидела этого пленного в городе, свободно идущего без всякой опаски. Чтобы так ходить по улицам, надо было иметь соответствующие документы. Но она ничего им не сказала о своей догадке. Она понимала, что время военное и их на каждом шагу подстерегает опасность, поэтому, чем меньше они рассказывают, тем лучше для них. И она не обижалась на скрытность девушек. Марта была старше подруг на шесть лет, выше их ростом, замужем, и они считали её солидной женщиной. Может быть, поэтому и не очень делились, а, может быть, просто соблюдали конспирацию. Марта очень хотела быть равноправным членом их коллектива, и старалась войти в доверие.

Время шло. В начале ноября пленных перевели в другое место. Для лагеря выбрали территорию заводского Дворца культуры им. Ленина. Там собрали не только пленных с фабрики им. Володарского, но и из других мест. Зима началась рано. Выпал снег. Уже в ноябре начались лёгкие морозы. В декабре завьюжило так, что намело сугробов по самые колена. Марта получила от Зины задание: просовывать свёртки с одеждой в дырку в заборе в определённом месте. Для этого она каждый день ходила на прогулку с Люсенькой – катала её на саночках. Маршрут выбрала такой, чтобы было не подозрительно – по протоптанной дорожке вдоль забора лагеря. Она катала дочку, а в санях в одеяле, в которое была завернута девочка, находился свёрток с одеждой. Поравнявшись с указанным местом, она останавливалась, высаживала Люсю из саней и «поправляла» одеяло, а в это время быстрым движением просовывала сверток в нужное место. Ни разу не было случая, чтобы она не выполнила задание. Девушки прониклись к ней доверием, и Зина просила её время от времени провозить мужчин на квартиру. До этого Марта туда относила собранную одежду.

Первая в лагерь сумела попасть Клавдия Баранчикова. Она работала медсестрой в областной поликлинике, что рядом с лагерем. Клаву и ещё одну медсестру послали в лагерный лазарет для оказания медицинской помощи раненым. В лазарете работала только одна санитарка, раненых было много и ей трудно было всех их обслуживать. Но та сходила туда один день и больше не пошла; сказала больная, а попросту не смогла видеть ужасов лагерного лазарета. Тогда Зина предложила Клаве переоформить её пропуск на Марту, предварительно договорившись с ней. Они не только лечили пленных, но и искали среди них офицеров и, в первую очередь, лётчиков и танкистов. Помогал им в этом лагерный полицай Даня. Даниил Быльченко работал в лагере по приказу командира центрально-городской группы Андрея Андреевича Вербоноля. Марта знала, что спасённые ими мужчины уходят через линию фронта в действующую армию, некоторые остаются в городе. Теперь она не сомневалась, что является единичкой подпольного отряда и выполняет только свою часть работы, а остальную часть – другие. И здесь действует целая цепочка, обеспечивающая перемещение офицеров от лагеря до линии фронта. И тогда она призналась Зине, что прячет на чердаке «брата», которому надо перейти через линию фронта. Она вылечила его плечо, и он собирался уйти, но не знал, куда ему податься. Зина достала документы, и Марта под покровом ночи увела его на известную ей уже квартиру.

– Марта, если останусь живой, приду после войны. Ты действительно мне стала сестрой. Я буду тебе писать с фронта, когда освободят Сталино, мне ведь писать больше некому. Не знаю, где родители, не знаю, где жена с дочкой.

– Буду ждать тебя Андрюша. Пиши, приезжай живой.

Пришёл новый 1942-й год. Праздника не было, не было ёлки. У хозяина, который работал переводчиком в гестапо, собирались гости. Марта подметала снег во дворе. Вошёл красивый голубоглазый офицер:

– Такой красивый девушка не должен убирать, – обратился он к Марте, – сегодня праздник. Я вас приглашал.

Он взял Марту за руку и повёл в дом:

– Это мой девушка, – сказал он хозяину.

– Марта, проходи, – сдержанно, не выказывая радости, пригласил хозяин.

– Я пойду, переоденусь – праздник всё-таки.

Не удивительно, что немецкий офицер обратил внимание на Марту. Выше среднего роста, статная белокожая красавица с удивительными карими глазами покорила немца. Но Марте не очень

хотелось встречать Новый Год в компании врагов. Ведь на Украине бытовало поверье: «Как встретишь Новый Год, так и весь год проживёшь». Не хотела Марта с немцами якшаться и не спешила переодеваться. Но минут через десять пришёл хозяин:

– Ты ещё не переделалась? – возмутился. – Если не хочешь иметь неприятности, быстро переоденься и приходи. Он из гестапо, а эти шутить не любят.

Пришлось Марте надеть свое любимое чёрное платье, которое так оттеняло белизну алебастровой кожи лица и облегалo ладную фигуру. Ей совсем не хотелось производить впечатление на гестаповца, но у неё не осталось других приличных платьев – остальные поменяли на продукты. Она оставило только это любимое. Подумала: «Плохая примета Новый Год встречать в чёрном».

Уже под утро подвыпивший кавалер разоткровенничался и поделился с Мартой своими «победами», желая ей понравиться. Он рассказал, что они разрабатывают группу девчонок, которые помогают пленным бежать из лагеря. Они внедрили в лагерь провокатора, который вышел на Клаву.

– Мы арестовать Клаву, но она ничего не рассказывает. Не мог она один быть. Их есть много. Они все быть в гестапо! – выкрикнул он в запале.

Марта сидела ни живая, ни мертвая: «Клаву взяли, значит, и за мной скоро придут. Надо девчонкам сказать, что внедрился провокатор и уходить из города. Но, как? Где они живут, она не знает. Раньше встречались возле лагеря, потом вся связь была через Клаву. Клавы нет и связи нет». Ей стало плохо.

– Ты совсем белый. Ты плохо?

– Да, мне плохо. Живот болит. Я пойду домой.

Она еле сдерживала рыдания, а как только вбежала в своё жилище, сразу же поднялась на чердак и дала волю слезам – не хотела, чтобы их видели мама и дочь. Марта поняла, что это конец. «Как-то так неожиданно всё случилось, – думала она, – а как хорошо всё шло. Как по маслу! Слаженно работал отрегулированный механизм – каждый знал свои функции... «сколько веревочка не вьётся, а конец всегда будет». Вот он и пришёл».

Внизу постучали в дверь. Она вздрогнула, но это был хозяин.

– Демьяновна, скажи Марте, что её Фридрих зовёт.

– А Марты нет дома.

– Как нет? Она же домой пошла, сказала, что у неё живот заболел.

– Не приходила она. Как ушла вечером к вам, так до сих пор и не приходила.

Из двора доносился мужской разговор, но Марта, наплакавшись, засыпала. Проснулась она от громкого стука в дверь.

– Марта Носкова здесь живет?

– Да, но её нет дома, – испуганно отвечала Анна Демьяновна.

Отталкивая её, в комнату вошли два немецких солдата и с ними офицер. Солдаты стали переорачивать всё вверх дном. От шума проснулась Люся и, увидев незнакомых дядей, расплакалась. Марта спустилась с чердака, взяла на руки дочку, успокаивая:

– Не плачь, дяди только посмотрят, что у нас есть и уйдут.

Но Люся продолжала плакать, крепко обнимая Марту и прижимаясь к ней.

– Собирайтесь, пойдете с нами.

– Почему? Я ничего не делала противозаконного.

– Приказано доставить в полицию. Если не виноваты, вас отпустят, – сказал немецкий офицер.

Марта пыталась отцепить от себя Люсю, чтобы переодеться, но детское сердце, видно, почувствовало, что теряет свою мать, и девочка не хотела отпускать её. Марта набросила на себя полупухок и белый шерстяной шарф, всё ещё держа Люсю на руках. Вышла во двор, пытаясь объяснить Люсе, что она должна её отпустить, что мама сейчас уйдет, но скоро вернётся. В дверях хозяйского дома, появился Фридрих. Он спросил, что происходит. Некоторые немецкие слова Марта понимала. Фридрих просил, чтобы её оставили в покое, так как у неё маленькая дочь. Но тут, из-под его руки вынырнул хозяин:

– Это не её дочь, а сестры.

Фридрих возмутился:

– Так ты мне врал! (Марта ему рассказывала, что живёт с мамой и дочерью). Забирать! – разозлился Фридрих.

Анна Демьяновна сама вся в слезах насилу оторвала плачущую навзрыд Люсю. Марту увели. В полицейском участке её сразу же допросили. Она отрицала своё участие в освобождении пленных. Подозрение у них вызвал поддельный документ на работу в лагере. Если подделала документ, значит, стремилась туда попасть. Если стремилась, то с какой целью? Она пояснила это тем, что искала мужа. На вопрос: «Кто подделал документ?» сказала, что купила на базаре, а фамилию сама вписала. Пояснение было неубедительным, и её отвели в тюрьму на 3-ю линию до полного выяснения её причастия к работе разрабатываемой группы.

Через два дня её снова повели на допрос. На этот раз устроили очную ставку с Клавой. Конечно, они сказали, что знают друг друга, потому что работали вместе. Но на вопрос: «Помогала ли Марта устраивать побеги?», Клава ответила отрицательно. Тогда в комнату ввели Григория, которого они освободили в декабре. Он заявил:

– Они обе помогали мне переодеться и провели к канализационному люку, где меня ждали две девушки. Одна из них повела меня к себе домой, накормила и отвела в следующий дом. Там я переночевал, а утром с поддельным паспортом Шура повела меня на квартиру, где я находился несколько дней. Я изъявил желание работать в подполье, но мне сказали, что, так как я офицер, я должен перейти линию фронта и воевать. Есть приказ – всех офицеров переправлять на ту сторону. Когда нас собралось три человека, нас повели в сторону Мариупольской развилки. Вели ночью. Выбрав момент, я сбежал, спрятавшись за деревьями.

– Ну, что скажите? – обратился к девушкам следователь.

– Что он – сволочь, – ответила Клава.

Отрицать не было смысла. Он видел лица, знал адреса. Значит, и Зину с Капой взяли. Но, пока девушки, не сговариваясь, решили их не выдавать.

– Кто ждал его на улице? Марта, отвечайте!

– Я не знаю. Я только помогла ему переодеться.

– Врёшь! – заорал взбешённый следователь. – Ты не могла не знать. Вы – одна банда! Вы передавали пленных из рук в руки! Надо же – Жанны д Арк!

– Я никого не знаю, – твёрдо повторила Марта.

– Сейчас узнаешь! Сразу всех узнаешь!

Он кивнул палачу, который стоял с плёткой в руках. Он швырнул её на пол, и начал избивать. Но на третьем ударе, она потеряла сознание, и у неё начался приступ эпилепсии, которой она страдала с детства.

– Врача! – приказал следователь.

После того, как врач купировал приступ, её отправили в камеру и принялись за Клаву. Она тоже говорила, что не знает имён тех, кто ждал Григория на улице у люка. Настаивала на том, что это был единичный случай, что он так просился, и они пожалели его. Но следователь ей не верил, и приказал бить. Клаву били до тех пор, пока она не потеряла сознание. Несмотря на жестокую боль, она не добавила ни слова к сказанному.

В начале января Марту повели на очную ставку с Зиной Полончук. Зину и Капитолину взяли в один день. Вначале их держали на территории лагеря на Стандарте, потом перевезли в тюрьму и до проведения очных ставок их держали в разных камерах. Капа и Зина договорились никого не выдавать, отрицать все знакомства, и всё, что им предьявят брать только на себя.

– Представьтесь, – следователь обратился к Зине.

Она назвала своё имя и отчество, фамилию. В комнату ввели Марту. Зина увидела её и ужаснулась. Рассечённая бровь уже не кровоточила, а почти чёрная корка запекшейся крови, искажала выражение лица. Следы побоев были видны и на руках. На них были вспухшие полосы, тоже с запекшейся кровью. Зина поняла, что если её били, значит, она ни в чём не признается.

– Кто это? – спросил следователь, обращаясь к Зине, и кивая на вошедшую.

– Не знаю.

– А ты её знаешь? – спросил он у Марты.

– Не знаю.

Ввели Григория.

– Кого из них ты знаешь?

– Видел обоих, но как зовут, не знаю. Знаю только одно имя Шура. Эта та, которая меня отвела на квартиру. Ещё я слышал, как эта называла имя «Марта», – кивнул он на Зину.

– Что скажешь? И после этого будешь утверждать, что не знаешь Марту?

– Буду. Не знаю я эту женщину. А имя он, наверное, перепутал. Мою младшую сестру зовут Майя, я могла её называть, но она ещё ребёнок.

Но очной ставке с Капитолиной почти всё повторилось. Марта была старше всех, и немцы предполагали, что она может быть у них главной. Но подтверждений этой версии не было. Все трое отрицали её участие, кроме одного-единственного раза, когда освобождали Григория. Девочки надеялись, что Марту отпустят, ведь у неё маленькая дочка. Проведя очные ставки, следователь стал разрабатывать направление документов. Но, Марта даже, если бы и хотела, не могла бы сказать, кто и где брал документы, потому что она этого не знала. Арестовали и Шуру. Григорий, наконец-то, нашёл дом, у которого он встретился с Шурой. Теперь их всех держали в одной камере. При допросах сильно избивали. Тюремный охранник принёс им матрац один на всех. На цементном полу даже соломы не было. По ночам вылезали клопы – это было самое отвратительное. Водили их на допросы пешком в сопровождении охранников местных или немецких. Местные не разрешали говорить с матерями, немцы иногда разрешали.

Анна Демьяновна приходила с Люсей. Она шли сзади и коротко переговаривались. Много говорить не давали. Люся пыталась подойти к маме, взять её за руку, но её отгоняли прикладами. А один раз местный полицейский, направил на неё винтовку: «Застрелю, если будешь под ногами вертеться!» Люся в ужасе отпрянула, спряталась за бабушкину юбку и расплакалась. С тех пор она боялась приближаться к Марте.

– Дочечка, тебя сильно бьют?

– Они меня только начинают бить, я сразу теряю сознание, и у меня начинается приступ. Так что у них не получается меня сильно побить.

– Ну, хоть что говорят? Отпустят тебя?

– Пока ничего неизвестно. Они не говорят, как с нами поступят. Идёт следствие.

– А что же ты такое сделала, что они тебя держат?

– Да, ничего особенного. После следствия должны отпустить, – успокаивала она мать.

Из девочек выбивали признание. Но они твердили, что нет у них руководителя, что они сами всё выполняли, что нашли чистые бланки паспортов в паспортном столе, который, эвакуируясь, их оставил. Были там и старые заполненные паспорта, вот они ими и воспользовались. Им предъявили фотографии, на которых они в паспортном столе пытались достать документы Янковскому – офицеру Красной Армии. Но кроме фотографий, других подтверждений не было. Они действительно просили отца Зины достать Янковскому документы, но у старшего Полончука не получилось. Этим он и сохранил себе жизнь. Его отпустили.

В конце следствия Марту привели на очную ставку с Дидковой. Она впервые видела эту женщину. И та сказала, что не знает Марту. Против Марты не было никаких улик, кроме того, что она помогала переодеться Григорию. Это был единичный случай. Марта и девочки надеялись, что её отпустят, учитывая ещё то обстоятельство, что у неё маленькая дочь. Но в ходе следствия, припёртые доказательствами, девочки признались, что они освободили 240 пленных. Их зачислили и на счет Марты.

Завтра им должны были объявить приговор. Последнюю ночь они не спали. Им хотелось последние часы на Земле провести наяву, а не во сне. Девочки молчали. Каждый думал о своём. Им надо было мысленно попрощаться со своими дорогими и любимыми. Завтра они ведь и в глаза им не смогут посмотреть и не только оттого, что принесли столько горя, но и оттого, что их лица были изувечены до неузнаваемости. Марта выглядела лучше всех, потому что не было смысла её сильно бить, она сразу теряла сознание. Клаве почти оторвали ухо и выбили передние зубы. Зине разбили нос, брови, губы, белки её глаз налились кровью. На неё страшно было смотреть. И лица остальных девочек представляли собой ужасающее зрелище, не говоря уже о телах, которые были скрыты под одеждой.

Забрезжил рассвет. Наступало последнее утро их жизни. Девочки старались побороть страх перед смертью. И старались держаться мужественно. Девочки отдавали женщинам некоторые свои вещи. Зина отдала пояс для чулок, понимая, что больше он ей не понадобится, Капа – вязаный платок. Зина попросила свою соседку: «Сохраните память о нас, расскажите людям, что мы уходим из этой жизни с гордо поднятой головой, никого не выдав и никого не потянув за собой. Расскажите это

своим детям, а они пусть расскажут своим. Ради них, ради светлой жизни последующих поколений без рабства и насилия, ради освобождения Родины от нашествия фашизма мы пошли на смерть».

Когда они вышли за ворота тюрьмы, увидели своих матерей. Видно, почувствовав опасность, они сегодня как никогда были все в сборе. Анна Демьяновна взяла с собой Люсю. Пришла с ней к тюрьме и её двоюродная сестра Катя. На этот раз девочек долго не выводили, а день был морозный, и маленькая Люся замёрзла. Чтобы она не простудилась, Катя повела её домой. Наконец-то из ворот тюрьмы показались девочки в сопровождении немецких солдат. Это значило, что матери смогут перекинуться с дочерьми несколькими словами. Но девочки боялись не только поднять глаза на матерей, но и показать свои лица. Зина отвернулась в сторону и, втянув голову в плечи, отвернулась от Анны Семеновны. Капа не раскрывала рта, чтобы не показать отсутствие зубов. Девушки старались не смотреть в сторону матерей, и им в этом помогали солдаты, отгоняя матерей прикладами. Только Марта позвала мать и, снимая полущубок, попросила:

– Дай мне свою фуфайку.

Она бросила матери серую кроличью шубёнку со словами:

– Возьми это себе и береги Люсю, – давая понять матери, что не увидит их больше никогда, акцентируя её внимание на словах: «Береги Люсю. Некому её не отдавай».

Но женщина не уловила прощальные нотки в голосе дочери, потому что и представить себе не могла, что её дочь замешана в партизанской деятельности и будет казнена. Она была уверена, что Марта ни в чём не виновата, что её арестовали по ошибке, и что немцы разберутся и скоро её пустят. На следующий день она собрала Марте передачу, и понесла в тюрьму. Охранник не взял передачу, и сказал ей:

– Нет здесь твоей дочери. Их сюда не приводили. И вообще их нет, так что забирай свою передачу и сама ешь.

И только при этих словах защемило материнское сердце, почуяло беду. Она постояла и пошла домой. Они с Люсей уже жили на 10-й Александровке. Когда Марту арестовали, хозяин выгнал их. 10-я Александровка была почти на самом верху холма, выше стоял только Дворец. Подниматься ей было тяжело, и она останавливалась, чтобы перевести дух. Ещё её внимание привлекали какие-то листки газеты, расклеенные на заборе. От них веяло бедой, но она не могла узнать что там написано, так как не могла читать. Она попросила прочитать проходящего мимо парня. То, что она услышала, повергло её в ужас. Ноги подкосились, и она села в сугроб.

– Вам плохо? – забеспокоился парень.

– Мою дочь расстреляли. Мою Марточку, – закричала она на всю улицу. – Изверги, душегубы, такую красавицу... молодую.. мою дочку... будьте прокляты... Чтоб земля разверзлась у вас под ногами! Чтоб мина разорвалась и разнесла вас в клочья.

Долго ещё рыдала, причитая и проклиная фашистов, Анна Демьяновна пока не обессилела. Парень, сочувствуя горю женщины, молча стоял рядом. Он понимал, что сама она не дойдет до дома, и ей будет необходима его помощь. Он не утешал, потому что знал: никого, кроме собственного сердца, она не услышит. Постепенно, по мере того, как её оставляли силы, крик сходил на нет. Она уже только шептала проклятия, время от времени, всхлипывая. И когда уже совсем замолчала, парень взял её под руки, осторожно поднял, и повёл домой.

Люся бросилась к заплаканной и почерневшей бабушке:

– Бабушка, чего ты плачешь?

– Нет больше нашей Марты – немцы расстреляли.

Два дня Люся отказывалась есть, тоскуя по своей маме, и тогда Анна Демьяновна решилась открыть ей то, что от неё скрывали:

– Люся, не переживай так, у тебя ещё одна мама есть. Марта – не настоящая твоя мама. Настоящая – Мария.

Это было ещё большим ударом для маленькой девочки. Но потом затеплилась надежда, что к ней придет её настоящая мама.

– А где она, – спросила у бабушки.

– Она сейчас живет в другом городе и не может к тебе приехать, потому что идёт война.

Но настоящая мама к Люсе так и не приехала. Когда бабушка болела, она жила в детском доме, потом у дальних родственников, но никому она не была такой родной, как Марте.

На фото: верхний ряд слева направо – Васильева Александра, Полончук Зинаида, в центре Носкова Марта, нижний ряд – Кастрикина Капитолина, Баранчикова Клавдия.